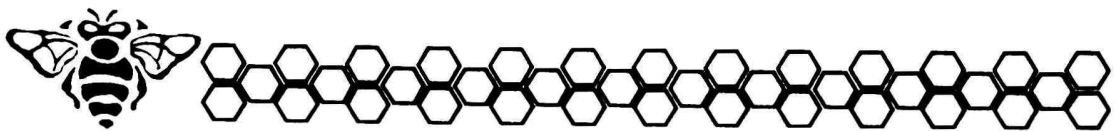

STUDIA PHILOLOGICA

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

ПОД ОБЩИМ РУКОВОДСТВОМ И РЕДАКЦИЕЙ

Н. Д. Арутюновой

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2000

ББК 81.031
Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16106

Я 41 **Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 624 с. – (Studia Philologica).**

ISBN 5-7859-0036-X

В книге впервые поставлена задача воссоздания концептуального образа языка и речевой деятельности человека по данным естественных языков. Рефлексия языка о языке зафиксирована в значениях слов и фразеологических сочетаний, образующих метаязык «естественной лингвистики». Авторы рассматривают такие понятия, как *язык, речь, слово, значение, смысл, говорить, голос* и др. Анализ выполнен в синхронном плане и в исторической перспективе.

Большое внимание уделено индоевропейским истокам метаязыка естественной лингвистики, его формированию в русском и в других славянских языках, особенностям функционирования метаязыковых слов и выражений в народной культуре и речевых актах, а также роли звучащей речи в процессе создания «языка о языке».

Книга предназначена для широкого круга филологов.

ББК 81.031

ЯЗЫК О ЯЗЫКЕ

Сборник статей

Издатель А. Кошелев
Корректор М. Н. Толстая

Подписано в печать 12.11.99. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Вaskервилл.

Усл. изд. л. 50,31. Заказ № 1388. Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Авторы, 2000

Оглавление

<i>Н. Д. Арутюнова. Введение.</i>	
Наивные размышления о наивной картине языка.	7

I. Историческая ретроспектива

<i>К. Г. Красухин.</i>	
Слово, речь, язык, смысл: индоевропейские истоки	23
<i>Н. П. Гринцер.</i>	
Лингвистические основы раннегреческой философии.	45
<i>И. И. Макеева.</i>	
Языковые концепты в истории русского языка	63
<i>С. В. Дегтев, И. И. Макеева.</i>	
Концепт слово в истории русского языка	156
<i>С. М. Толстая.</i>	
Славянские параллели к русским <i>verba</i> и <i>nomina dicendi</i>	172

II. Ключевые ^{цеп}концепты «естественной» лингвистики

<i>В. З. Демьянков.</i>	
Семантические роли и образы языка	193
<i>И. Б. Левонтина.</i>	
Речь vs. язык в современном русском языке	271
<i>И. Б. Левонтина.</i>	
Понятие слова в современном русском языке	290
<i>И. М. Кобозева.</i>	
Две ипостаси содержания речи: значение и смысл	303

III. Речевая деятельность

<i>Н. Б. Мечковская.</i>	
Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной картине языка.	363

Анна А. Зализняк.

Глагол *говорить*: Три этюда к словесному портрету 381

М. Я. Гловинская.

Глаголы со значением передачи информации 403

Н. Д. Арутюнова.

Феномен молчания 417

Н. Д. Арутюнова.

Показатели чужой речи *де, дескать, мол.*

К проблеме интерпретации речеповеденческих актов 437

IV. Номинация звучащей речи

Г. Е. Крейдлин.

Голос и тон в языке и речи 453

С. В. Кодзасов.

Голос: свойства, функции и номинации 502

Т. Е. Янко.

Глагол *гласить*: от звука к знаку 527

V. Языковые концепты в народной культуре

С. А. Ромашко.

Язык и речь в Ветхом завете 543

С. Е. Никитина.

Лингвистика фольклорного социума 558

Н. И. Толстой, *С. М. Толстая*

Имя в контексте народной культуры. 597

ВВЕДЕНИЕ

Н. Д. АРУТЮНОВА

Наивные размышления о наивной картине языка

В чем состоит замысел собранных в этой книге очерков? Прежде всего, в привлечении внимания читателя к образам языка, запечатленным в самом языке, иными словами, к тому, что можно назвать «естественной (наивной) лингвистикой», «народным языкознанием» или, наконец, «наивной картиной языка», приглашающей к столь же немудрящим размышлениям. Естественная лингвистика— это нерефлектирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека и зафиксированные в значении металингвистических терминов, таких как *язык*, *речь*, *слово*, *смысл*, *значение*, *говорить*, *молчать* и др. Как представлял себе язык-речь человек, ничего о языке не знавший, но им владевший так, как он владеет рукой или языком-органом? Как представлял себе человек, приобщившийся к грамоте и узнавший о существовании других языков, тот механизм, который регулирует потоки звуков, исходящих из его уст и имеющих своей целью что-то выразить и передать другому человеку? Как воспринимал он сам звуковой поток—расчлененно или целостно? Как создавались слова, составившие позднее ядро лингвистической терминологии, как они осмыслились и каким целям служили? Эти и многие другие вопросы стояли перед авторами книги. Они ранее не рассматривались систематически. Поэтому цель книги состоит в самой постановке проблем, подборе материала—современного и исторического—и формулировании первых выводов, из него вытекающих.

Язык составляет основной признак, выделивший человека из мира живой природы и придавший духовному началу физическое обличье. Язык—это своего рода аналог человека. Как и человек, он соединяет в себе материю и дух. Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех его дефинициях. Так, по В. Гумбольдту, «язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли». Г. Штейнталь определял язык как «выражение осознанных внутренних, психических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулированных звуков». А. А. Потебня считал, что «понятие языка исчерпывается известного рода сочетанием чле-

нораздельного звука и мысли». К. С. Аксаков прямо и лаконично называл язык «одухотворенным звуком». Г. Остгоф и К. Бругман говорили о языке как о «психофизическом механизме». Точно то же указание на соединение в языке духа и материи находим у И. А. Бодуэна де Куртене, писавшего, что «в каждом языке различают две стороны: звуковую и психологическую», причем «собственно языковое — это способ, каким звуковая сторона связана с психическим содержанием». Н. В. Крушевский еще более полно выразил в своей дефиниции языка эту его особенность, хотя и уникальную, но все же имеющую некоторую аналогию в двойственной природе человека. Он писал: «Язык представляет нечто, стоящее в природе совершенно особняком: сочетание явлений физиолого-акустических, управляемых законами физическими, с явлениями бессознательно психическими, которые управляются законами совершенно другого порядка». Ровно то же сочетание двух миров являет собой человек, хотя их соединяют иные отношения. И хотя язык конвенционален, а человек органичен, в саму природу человека внедрена возможность семиозиса, а в природу языка — органическое единство звука и смысла, в котором берет свое начало языковой знак. М. О. Гершензон писал: «Все духовное творчество человека коренится в природе и все ныне организованные деятельности его, столь сложные и сознательные ... родились из произвольных побуждений. Так и слово возникло в составе инстинктивной мимики, как произвольное телодвижение гортани — звук. Этот первоначальный звук разрешал тягостное напряжение чувства, и одновременно, вынося чувство наружу, ставил его пред человеком. ... Но уже в инстинктивной мимике люди должны были открыть средство взаимного общения: человек по жесту другого узнавал волнующее его чувство — страх опасности или радость находки... Для того, чтобы звук удовлетворял личность, то есть возможно полнее разрешал напор чувства и возможно целостнее выражал его вовне, он должен был воплощать в себе именно личное состояние духа. Напротив, социальный интерес побуждал обезличивать звук, потому что звук совершенно личный непригоден для общения, и чем он личнее, тем менее пригоден. Только звук, вмещающий родовое ядро чувства, понятен всем» [Гершензон 1922, 127—128].

Язык раскрывает духовное начало, присутствующее в человеке. У языка же нет вторичной знаковой системы, которая бы раскрывала его смыслы. Он делает это сам, толкуя одни смыслы через другие, перефразируя их, но не выходя за свои пределы. Язык, в отличие от человека, лишен языка, который бы фиксировал, ограничивал и стабилизировал его смыслы. Тайна человека приоткрывается через язык, тайна языка безъязыка. Увидев в языке орудие, человек начал его шлифовать и совершенствовать. Увидев, что язык безъязык, человек стал размышлять о языке и создавать язык о языке. Язык о языке, пока он не выделился в лингвистическую теорию и терминологию, является составной частью языка. Это ареал естественной лингвистики. Но даже после возникновения грамоты и грамматик этот ареал сохраняет свои позиции. В нем продолжают выражаться обыденные представления человека о языке и речевой практике. Поэтому в настоящем «собрании пестрых глав» наряду с исторической ретроспективой, проливающей свет на индоевропейские истоки метаязыковых слов, предлагается анализ их семантического развития, отраженного в письменных памятниках, и их значения в русском языке. Кроме того, в книгу включен раздел, посвященный взглядам на язык античных философов досократиков. Он демонстрирует известный паралле-

лизм подхода к языку людей, искушенных в анализе своего предмета, и просто говорящих или пишущих.

Итак, в самой природе человека, как, впрочем, и других живых существ, заложена возможность создания семиотической системы той или иной степени сложности, предназначенной для целей общения. Мы имеем в виду парность активной способности человека производить звук и пассивной способности его воспринимать. Иначе говоря, чрезвычайно важной в биологической организации человека является соотносительность голоса и слуха, задающая возможность общения—семиотического контакта с другими. Наличие «парной способности», разумеется, недостаточно для возникновения языка. Она должна восходить к естественной связи между звуком и смыслом. Врожденность такой связи подтверждается универсальностью «криков беспокойства» и «звуков удовольствия», издаваемых грудными детьми, как и многочисленными примерами звукоподражания и звуковой символики; см. об этом [Газов-Гинзберг 1965; Воронин 1982]. «Парная способность», кроме того, поддерживается возможностью варьировать звук в более или менее строгом соответствии с варьированием смысла.

Активная способность человека производить звук реализуется голосом. Это понятие ушло на периферию лингвистических исследований, но оно было чрезвычайно важно для обыденного сознания человека прошлых эпох, оно сохраняет свои позиции в народной языковой культуре, театре и радиовещании. Наконец, к нему неизменно обращаются авторы, описывающие прагматические ситуации общения. Приведем тому только один пример прямого отождествления человека с его голосом, причем в эпоху, еще не знавшую ни радио, ни телефона:

—*Пьян вы думаете?*—*крикнул голос с дивана. Ни в одном глазу. ... Князь обратился было к г о л о с у с дивана, но заговорила девица* (Достоевский).

«Голос» перешел из лингвистики в фольклор, певческую культуру и художественную литературу. Он сдал часть своих позиций вокалу. Он создал профессии дикторов и чтецов. В настоящей книге понятию голоса отведено большое место. В разделе Г. Е. Крейдлина проанализировано значение слова *голос* в современном русском языке, С. Е. Никитина рассматривает концепт голоса в русской народной культуре, И. И. Макеева—семантическую эволюцию *голоса* в памятниках письменности, обнаруживающую его чрезвычайную многозначность. Слова *голос* и *глас* могли обозначать не только звук и голос. Они получали и собственно лингвистические значения, такие как 'язык' (*возопи греческим гласом*), 'слова, высказывание', 'мнение' (*глас народа; разные были голоса*), 'ударение' и др.

Итак, природа начала семиотической деятельности, человек ее продолжил. Он закрепил связь некоторых эмоций, а также иллокуций (угрозы, мольбы, нежности и др.) со звучанием голоса. Уже в междометиях, восходящих к спонтанным эмоциональным реакциям на ситуацию, зарождается процесс конвенционализации звука. Он начинается тогда, когда пассивная реакция перерастает в активное действие: *Эй!*—это только оклик, а *Ай!*—выражение боли или испуга. Наименования голосов животных обычно апеллируют одновременно и к звучанию, и к значению голосовых модуляций; ср.: *рычать, скулить, вить, шипеть, муфыкать* и др. Когда этими глаголами характеризуется речь человека, они получают вполне определенный смысл: *скулить* значит 'говорить жалобно', *шипеть*—'произносить

ядовитые и жалящие слова'. При определении голоса, которым был осуществлен тот или другой речевой акт (например, в авторских ремарках), обычно используются прилагательные, относящиеся к эмоциональному состоянию говорящего, но которые вместе с тем позволяют достаточно точно представить себе его звучание; ср. *сказать что-либо угрюмо (угрожающе, злобно, радостно)* и пр. Некоторые определения очевидно двойственны. Так, в сочетании *говорить взволнованно* определение может в равной мере относиться к звуковым волнам и к волнам эмоций. Оно совмещает в себе прямое и метафорическое значения.

По голосу мы узнаем человека. В нем озвучена его личность—ее этнические, социальные, возрастные, половые и индивидуальные грани, его характер, его профессиональные функции и социальная маска, его физическая организация. По голосу мы судим о внутреннем состоянии человека, его отношении к адресату, его коммуникативных интенциях. В радио-теле-магнитофонном мире голос—это звуковой эквивалент человека, его звучащее «лицо», многообразная информация о котором распределена между многими словами, группирующимися вокруг трех основных классификаторов—голоса, тона и интонации. Эти три опорных в разговоре о звучащей речи концепта, прежде всего *голос* и *тон*, детально рассмотрены в разделе Г. Е. Крейдлина. Чтецы, ораторы, актеры и дикторы хорошо владеют техникой голосового, тонального и интонационного выражения смыслов. Фонетика уделяет этой технике меньше внимания. Для речи не разработана нотная запись, которая бы позволяла полностью реконструировать звучание. Коммуникативное варьирование тона и акцентуации описаны с достаточной полнотой, но семантический, или, точнее, семиотический, ореол голоса не входит в ареал фонетических исследований. Это объяснимо. Постепенно все речевые способности и речевые действия отчуждаются от человека. По мере того, как коммуникация расширяет свои возможности за счет визуальных средств, голос «оглушается», из него уходит звук. Если глагол *голосить* относится к громкому крику, плачу или причитаниям, то глагол *гласить* уже полностью переориентирован со звука на смысл объявлений, законов и других письменных документов. Он отчужден не только от голоса, но и от человека. (Этот глагол проанализирован в очерке Т. Е. Янко).

Дегуманизация языка привела в конечном счете к дегуманизации лингвистики. Фонетика переросла в фонологию, сосредоточенную на фонологических единицах и их дифференциальных признаках в отвлечении от многих фонетических особенностей речи. Интерес к звучащей речи сохраняется в работах по звуко-символизму и фоносемантике, а также в диалектальных и этнографических исследованиях. Недавно была поставлена задача систематического изучения звукового кода традиционной народной культуры; см. публикации Института славяноведения РАН [*Голос и ритуал* 1995; *Мир звучащий* 1999]. В настоящей книге теме рождения смысла из звука посвящен очерк С. В. Кодзасова. В нем анализируются номинации звучащей речи, создающие звуковой образ общения.

Активная способность человека производить звук представлена не только концептом голоса, но и глаголами говорения—*говорить, молвить*, древнерусск. *речи, глаголать*, а также соотносительными с ними именами—*молва, речь, говор*. Большинство из них (*говорить, глаголать, молвить*) основано на звукоподражании. Обращает на себя внимание, что воспроизводя звуки одной и той же—в данном случае русской—речи, эти слова выделяют в качестве типичных и повторяющихся разные звуковые доминанты—то мелодично плавные звуки (*молва*, ср. также укр.